

ливого Бога. / Бог почил, и архангелы спят... / „Ах, мой слоник!..“ — туда и дорога! / Все на небе так сладостно спит, / А за слоника кто же осудит?! / Только сердце твердит и твердит, / Что второе пришествие будет».

По мнению В. Бетаки, поэзия О.— это попытка проникнуть в «корень зла», заключенный в человеке, уже после того, как Ш. Бодлером были показаны «цветы зла»: «Одарченко словно рисует нам трехслойную схему человеческой психологии: в глубинах глубин — вера, совесть, духовность. Выше — слой всего мерзкого. Это и есть подполье. А совсем сверху — тонкая кора благопристойности, приличия, короче, все, что отблескивает лицемерием, которое мы так тщимся выдать за свою сущность, словно мы однородны насквозь... Одарченко видит себя без верхнего слоя» (Бетаки В.— С. 238). Эта безжалостная честность О. перед самим собой несет на себе и оттенок какой-то высшей надежды. Так, в последних строчках процитированного стих. («второе пришествие будет») за темой Страшного суда можно расслышать и тему Божьего прощения. И сама композиция книги «Денек», где в конце стоит стих., наиболее ценное самим О. и утверждающее божественное обещание бессмертия, говорит об этом грядущем просветлении.

Соч.: Стихи и проза / сост. В. Бетаки; предисл. К. Померанцева. Париж, 1983; Из поэзии Русского зарубежья: Стили Г. Иванова, В. Смоленского, Ю. Одарченко // Лит. обозрение. 1990. № 7; «Чайная роза» и др. // Вернуться в Россию стихами... М., 1995. С. 354–356.

Лит.: Померанцев К. Памяти поэта: Юрий Одарченко и его стихи // Мосты. 1960. № 5; Одоевцева И. Об Одарченко // Русская мысль. 1984. 8 нояб.; Померанцев К. Вспоминая Юрия Павловича Одарченко // Русская мысль. 1985. 25 апр.; Крейд В. [Биограф. справка] // Вернуться в Россию стихами... М., 1995. С. 644–645.

С. Р. Федякин

ОДОЕВЦЕВА Ирина Владимировна (настоящее имя Ираида Густавовна Иванова, урожденная Гейнике) [15 (27). 7. 1895, Рига — 14.10.1990, Ленинград] — поэтесса, прозаик.

Родилась в семье адвоката. Ученица Н. С. Гумилева, член петербургского «Цеха поэтов». Первая публикация в сб. «Дом искусств» (1921. № 2). Первый поэтический сб. «Двор чудес» (1922), где выделяются баллады («Баллада о толченом стекле», высоко оцененная еще А. Блоком) и лирические стих. несколько «в ахматовском духе» — очень «женские», исполненные как бы наив-

ного кокетства и легкой иронии. Книга удостоилась своеобразной «рецензии» самого Л. Троцкого на страницах «Правды»: «Когда среди столь ныне многочисленных „нейтральных“ книжечек и книжонок попадает „Двор чудес“ Ирины Одоевцевой, то вы уже почти готовы примириться с неправдой этой модернизированной романтики саламандр, рыцарей, летучих мышей и умершей луны во имя двух-трех пьес, отражающих жестокий советский быт. Тут баллада об извозчике, которого насмерть загал вместе с его лошадей комиссар Зон, рассказ о солдате, который продавал соль с толченым стеклом, и наконец баллада о том, почему испортился в Петрограде водопровод. Узор комнатный, такой, который должен очень нравиться кузену Жоржу и тете Ане. Но все же есть хоть махонькое отражение жизни, а не просто запоздавший отголосок давно пропетых перепелов, занесенных во все энциклопедические словари. И мы готовы на минуту присоединиться к кузену Жоржу: очень, очень милые стихи. Продолжайте, mademoiselle!» (Цит. по: Минувшее: Исторический альм. Париж, 1989. № 8. С. 339–340).

И «mademoiselle» продолжала: в 1922 О. вместе с мужем, поэтом Георгием Ивановым, выехала через Берлин в Париж, едва ли предполагая, что там ей предстоит прожить 65 лет, прежде чем она снова увидит Петроград. В 1920-е ее стихи время от времени печатались в эмигрантских изд. Однако главным образом О. пишет и издает в это время прозу. До войны выходят 4 романа О.: «Наследие», «Ангел смерти», «Изольда» и «Зеркало». Они имели во Франции нема-

И. В. Одоевцева

лый успех. Но, как пишет Г. Струве, «персонажи Одоевцевой — по ту сторону добра и зла. Этим она отчасти напоминает Набокова, но при этом ей совершенно чужды сложные композиционные и стилистические задания последнего. Романы ее напоминают сценарии и, может быть, писались с расчетом на кинематограф» (Струве Г.— С. 211). Отличается от них последний, написанный уже после войны, роман **«Оставь надежду навсегда»** (1954), действие которого частично происходит в СССР в конце 1930-х. Впрочем, эту попытку О. «написать роман „идеологический“, в духе кестлеровской „Тьмы в полдень“» (Струве Г.— С. 211), по общему мнению, не следует признавать чересчур удачной.

После войны О. снова напоминает о себе как о незаурядном поэте. Выходят несколько сб. ее стих.: **«Контрапункт»** (1950), **«Десять лет»** (1961) и др., в которых высокая поэтическая техника (уроки акмеизма) порой соединяется с неким ирреальным видением мира (**«Стихи, написанные во время болезни»**, 1952).

Однако наибольшую известность и успех принесли О. ее воспоминания: **«На берегах Невы»** (1967), **«На берегах Сены»** (1983) и **«На берегах Леты»** (книга осталась незавершенной), обладающие как худож., так и исторической ценностью. Трилогия О. по праву занимает место рядом с воспоминаниями Н. Я. Мандельштам и Н. Н. Берберовой, волею судеб бывших женами двух др. видных русских поэтов XX в.

Событием не только лит. жизни оказалось возвращение О. на родину в 1987.

Соч.: Двор чудес. Пг., 1922; Ангел смерти. Париж, 1927; Зеркало. Париж, 1939; Контрапункт. Париж, 1950; Стихи, написанные во время болезни. Париж, 1952; Оставь надежду навсегда. Нью-Йорк, 1954; На берегах Невы. Вашингтон, 1967 (М., 1988); Златая цепь. Париж, 1975; Портрет в рифмованной раме. Париж, 1976; На берегах Сены. Париж, 1983; М., 1989; Избранное. М., 1998.

Лит.: Струве Г. Русская лит-ра в изгнании. Париж: М., 1996; Арьев А. «В Петербурге мы сойдемся снова...» // Перечитывая заново: сб. Л., 1989. С. 231–255; Радашкевич А. Умерла Ирина Одоевцева // Лит. обозрение. 1990. № 1; Паламарчук П. Москва или Третий Рим? М., 1991; Боброва Э. И. Ирина Одоевцева — поэт, прозаик, мемуарист: Лит. портрет. М., 1995; Витковский Е. «Мне нравятся неправильности речи...» // Одоевцева И. Избранное. М., 1998. С. 5–30; Урин В. Костер памяти // Новый ж. 1999. № 214. С. 181–184; Колоницкая А. П. «Все чисто для чистого взора...» (Беседы с И. Одоевцевой). М., 2001.

В. Ю. Бобрецов

Л. А. Озеров

ОЗЕРОВ Лев Адольфович [10(23).8.1914, Киев — 18.3.1996, Москва] — поэт, литературовед, критик, мемуарист.

Родился в семье служащего. Детство и юность О. прошли в доме на живописной Тарасовской — «улице поэтов», связанной с именами М. Волошина, А. Ахматовой, Л. Украинки, С. Гудзенко. Писать стихи О. начал в 15 лет, увлекался творчеством Багрицкого, Тихонова, Светлова. По словам Я. Хелемского, был безраздельно пленен Пастернаком. Занимался в лит. студии Н. Ушакова, где неоднократно выступал с докладами, посвященными творчеству Б. Л. Пастернака. После окончания семилетки работал на киевском заводе «Арсенал», перепробовал множество профессий, был чертежником, художником-оформителем, скрипачом симфонического оркестра, корреспондентом. Затем переехал в Москву, окончил МИФЛИ и аспирантуру того же вуза. Участвовал в Великой Отечественной войне, был сотрудником газ. «Победа за нами». В 1945–48 работал в ж. «Октябрь». С 1943 преподавал в Московском лит. ин-те. Доктор филол. наук, профессор.

Первый поэтический сб. О. **«Приднепровье»** вышел в 1940 в Киеве. Этот сб., как и следовавшие за ним — **«Ливень»** (1947), **«Признание в любви»** (1957) и **«Светотень»** (1961), благосклонно встретили И. Сельвинский, Н. Асеев и М. Светлов. На поэтической судьбе О. сказалась его плененность Пастернаком и личное знакомство с поэтом. Для О. Пастернак был выразителем «высокого трагизма», который стал идеологической доминантой поэтического творчест-